

PUBLIKACIJOS

Г. К. ВЕНЕДИКТОВ

К ИСТОРИИ ЛИТУАНИСТИКИ В РОССИИ: ПИСЬМА Й. ЮШКИ
И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ

(Продолжение)

Среди многочисленных корреспондентов акад. И. И. Срезневского был и Йонас Юшка (Иван Васильевич Юшкевич, 1815—1886) — известный литовский языковед, собиратель и издатель литовских народных песен. В части личного архива русского слависта, хранящейся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) в Москве, имеются 34 письма Й. Юшки к И. И. Срезневскому, из которых первое датируется 3.I.1856 г., а последнее — 25.IX.1878 г.¹, а также его поздравительная телеграмма от 4.IV.1879 г. по случаю 50-летия ученой деятельности И. И. Срезневского². О значении этих писем для истории литуанистики кратко сказано нами во вступительных замечаниях к публикации первых десяти писем Й. Юшки³. Подробнее о работе Й. Юшки над „Корнесловом литовского языка“, словарем литовско-санскритских соответствий и о взаимоотношениях между Й. Юшкой и И. И. Срезневым говорится в другой нашей статье⁴. Там же публикуются и приложенные к письмам Й. Юшки упомянутый словарь литовско-санскритских соответствий, пробные статьи „Корнеслова литовского языка“ и литовские названия степеней родства, собранные в окрестностях г. Паневежис А. Юшкой, братом Й. Юшки.

Ниже публикуются остальные 24 письма Й. Юшки к И. И. Срезневскому и поздравительная телеграмма. Как и первые десять, эти письма печатаются с соблюдением правил современной русской орфографии, но с сохранением других особенностей языка писем. Наши пояснения в тексте поставлены в квадратные скобки. Краткий комментарий к тексту писем отнесен в раздел „Примечания“, который — ввиду обширности публикации и ограниченности места в данном сборнике — содержит только наиболее необходимые и существенные, на наш взгляд, пояснения.

* * *

¹ ЦГАЛИ, ф. 436 (Срезневских), оп. 1, ед. хр. 1433.

² Там же, ед. хр. 1615.

³ См. сб.: Балто-славянские исследования. М., 1974, с. 242—243.

⁴ Венедиктов Г. К. Материалы к истории литуанистики из архива И. И. Срезневского. — В сб.: „Lietuvių terminologija“ („Lietuvių kalbotyros klausimai“, t. XVI). V., 1975, с. 203—224.

Милостивый государь
Измаил Иванович!

Вот уж несколько дней минуло после благополучной моей поездки в столицу. Я воротился из этого трехдневного моего путешествия с таким одушевлением и настроением духа к новым трудам какие только можно приобрести [так!] при особенном благоприятствовании счастья. Я обязан своей новой жизнью исключительно Вам, высокоуважаемый Измаил Иванович, благодарю Вас, и не знаю как Вас благодарить, благодарю и Екатерину Федоровну за заботливейшее ее гостеприимство; я провел эти три дни, как у ближайших и добрейших своих родных.

Вчера я был у П. И. Соловьева; он благодарит Вас за внимание к его труду и обещается представить его в Арх. общество в следующем апреле месяце, поручая обществу и его ученую обработку. Письмо архимандрита Макария к Новгородскому архиерею о понуждении ключ[аря] Соловьева представить свой труд в Святейший Синод не имело успеха [так!]; оно возвращено ему обратно, по причине некоторых выражений, оскорбительных для архиерейской власти. Чувствительнейше благодарю Вас, Измаил Иванович, за книги, которые позволили мне взять из своей библиотеки; из них отсылаю обратно программу преподавания славянской филологии, присоединяя памятный список тех Ваших книг, которые у меня остаются¹. Так как я не думаю уходить [так!] с поля филологии, то мне бы желательно было приобрести себе в собственность необходимейшие и важнейшие пособия и на первый раз я бы хотел себе выписать: 1) *Beiträge zur Kunde der litauischen Sprache* v. F. Kurschat, 2) Латышскую грамматику и Лексикон, 3) *Die Sprache der alten Preussen* v. Nesselmann, 4) *Vergleichende Grammatik* v. Bopp, 5) *Geschichte der deutschen Sprache* J. Grimm, 6) *Etimologische Forschungen auf der Gebiete der Indo-German. Sprache* v. Pott, 7) *Jahrbücher für slawische Litteratur, Kund und Wissenschaft*; посему, ежели не было бы затруднительно, то покорнейше я бы просил Вас, Измаил Иванович, выписать, при случае, и для меня упомянутые пособия, или другие какие-либо, которые Вы, Измаил Иванович, сочтете нужными для меня, и я бы немедленно выслал и деньги на этот предмет. Уже я кончил составлять таблицы склонений литовских причастий и местоимений сравнительно со старо-славянскими, теперь займусь спряжением литовских глаголов. Прочел уже я и несколько страниц литовской библии и нахожу заметное различие между языком библии и народным языком как в составе, так и в грамматических формах. Разбирая состав языка, я нахожу полезным собирать и грамматические особенности, могущие служить материалом для истории литовского языка. Петр Иванович, Мария Ивановна, Алексей Васильевич, Мария Андриановна поручили мне передать Вам, Измаил Иванович, и Екатерине Федоровне свои поклоны; ключ[арь] Соловьев и к[упец] Федоров также. На днях думаю побывать и у библиотекаря, Ивана Семеновича.

Еще раз благодаря Вас, Измаил Иванович, благодаря и Екатерину Федоровну за благосклонную Вашу внимательность ко мне, с высочайшим уважением и совершенною преданностью честь имею оставаться Вашим, высокоуважаемый Измаил Иванович, покорнейшим слугою.

Иван Юшкевич

1857 г., января 6 дня.

Новгород.

¹ Первые десять писем см. в упомянутом сб.: Балто-славянские исследования, с. 244—254.

Покорнейше прошу Вас, Измаил Иванович, передать Екатерине Федоровне высочайшее мое к ней уважение; Ольге Измайловне, Людмиле Измайловне, Надежде Измайловне, Владимиру Измайловичу и Вячеславу Измайловичу кланяюсь; Николаю Александровичу тоже.

12.

Милостивый государь,
Измаил Иванович!

Извините меня, Измаил Иванович, что я так долго не писал Вам. Чем далее я подвигаюсь в занятиях своих по литовскому языку, чем более знакомлюсь с древнейшими памятниками славянской письменности, тем более убеждаюсь в значении и важности Ваших наставлений и содействия, тем глубже вкореняется в сердце моем чувство уважения и признательности к Вам, Измаил Иванович, как виновнику нового периода духовной моей жизни. Прошу верить, Измаил Иванович, моим словам, они суть выражением души моей. Причиною моего молчания есть состояние моего труда.

В начале минувшего января я принялся за чтение литовской библии, и я начал с Нового Завета, с Евангелия, потому что, для сравнения литовского языка со славянским, я имел под рукою древнейший и уже исследованный язык Остромирова Евангелия; за тем я прочел деяния и послания апостольские и приступив к Ветхому Завету, я прочитал книги Моисея, Иисуса Навина, книги судей, царств, Паралипоменон, Ездры, Неемии, Иова, Псалтырь, Притчи Соломоновы, Песнь песней и Премудрости Соломона до Пророка Исаии, всего Священного писания более двух третей. Читая, я подчеркивал каждую фразу, в которой я встречал новое слово или то слово, которого значение было неясно, или которое имело другое значение. Выписку подчеркнутых фраз я поручил ученикам четвертого и пятого классов и они представили уже мне более пяти тысяч билетиков, из которых на каждом выписана особая фраза с означением, в верхнем левом углу билета одного-двух начальных слогов из следующего слова. Теперь принимаюсь за составление основы предполагаемого корнеслова. Язык библии далеко не тот, которым говорят теперь наши литовцы; он отличается от последнего не столько составом, сколько грамматическими формами, отличающими минувший период развития литовского языка. Все вышедшие из употребления слова и грамматические формы я выписал особенно. При исследовании языка лит[овской] библии, я думаю попытаться определить степень влияния чужеземного элемента на лит[овский] язык внесенного переводом св[ященного] писания. Для этой цели желательно бы мне прочесть статью г. Буслаева о влиянии христианства на славянский язык. Рассмотрев язык лит[овской] библии, я бы желал познакомиться с другими древнейшими памятниками лит[овского] языка, и здесь имею в виду следующие памятники. 1) Молитва Господня XIII—XIV в. (Dr. St. nar. Lit. Narb. T. 1, с. 461—468, и в Жур. Нар. Пр. т. LVI, статья о лит. народе Боричевского, 2) Лит. Катехизис на мемельском (жемайтском) говоре 1547 г. 3) Обряд крещения (Forma krikosztima), Давбманна в Кенигсберге 1559 г. 4) (Postille, arba sakimaj kuniga Wujka, žemajtiszkaj iszgulditi par K. Mikolą Daukszą) Постилла или сказания св. Вуйка, по жемайтски изложенные Михаилом Давкшом 1599 в Вильне (перевод с польского). 5) Статьи сказаний (Punktaj sakimu) Констан. Ширвида в Вильне 1629 года. 6) Книга христианской набожности (Kniga Nobažnisties Krikszczioniszkos) в Кейданах 1653 г. Новейшие некоторые лит[овские] сочинения, находящиеся в продаже, я могу себе выписать из Вильны. Из них важнейшими для своего труда я считаю: Жемайтское епископство (Žemajtių wiskupiste) еп. Волончевского и сочинения Довконта (перевод

басен Федра и Корнелия Непота). От брата своего я надеюсь получить в скором времени до трех тысяч литовских слов, собранных в окрестностях г. Поневежа из живой народной речи литовцев. Это важный материал для моего труда. Но и другое мое намерение, — приготовление к экзамену, не оставлено мною; всякую свободную минуту я обращаю на изучение языка древнейших славянских памятников как кириловских, так и глаголитских, большею частью по находящимся у меня отрывкам. Всеми почти учеными пособиями я Вам обязан, Измаил Иванович, благодарю Вас, благодарю. Совесть мне, право, что я забрал так много книг из Вашей библиотеки и так долго держу их у себя; сделайте милость, прикажите мне отослать себе те книги, которые Вам нужны. Таким распоряжением Вы успокоите меня на счет задержки Ваших книг и осмелите меня просить Вас, в случае нужды, других ученых пособий. Проникнутый живейшим чувством благодарности к Вам, Измаил Иванович, за Ваше благосклонное ко мне расположение с высочайшим уважением и совершенною преданностию честь имею оставаться Вашим, Измаил Иванович, покорнейшим слугою.

И. Юшкевич

1857 г. 19 февраля
Новгород.

Прошу засвидетельствовать мое высочайшее почтение Екатерине Федоровне. Ольге Измаиловне и всем милым деткам Вашим кланяюсь.

Петр Иванович, Алексей Васильевич, Мария Андриановна и Иван Куприянович поручили мне передать Вам свои поклоны. Мария Ивановна теперь в Петербурге. Ключарь Соловьев, Иван Семенович, Коншин и Федоров также Вам кланяются.

Покорнейше благодарю Вас, Измаил Иванович, за оттиски о грамматике Шлейхера, я их получил еще в январе месяце.

13.

Милостивый государь,
Измаил Иванович!

Не знаю, как уже и благодарить Вас, Измаил Иванович, за Вашу ко мне благосклонность. В последнее время я получил от Вас одною посылкою диссертацию Ф. Буслаева О влиянии христианства на славянский язык, другою две литовские книги: 1) Сельскую поэму Хр. Доналейтиса² и 2) *Punktaj Sakimu* Кон. Ширвида, третьею значительное число оттисков восьмого и девятого отчетов г. Микуцкого — из Комитета Пр. Ак. Наук. Диссертацию г. Буслаева я читал с восхищением и я нашел ее весьма полезным пособием для себя по остроумному взгляду автора на историческое развитие лексикальной стороны языка. Это имеет так близкое отношение к настоящему моему труду. Упомянутые литовские книги имеют значительную важность для исследования литовского языка. Мне неизвестно ни одно литовское сочинение, в котором бы полнее и ярче выразился сельский быт литовского народа, как в четырех временах года, сельской поэме Хр. Доналейтиса. *Punktaj Sakimu* (Статьи сказаний) важны по языку, восходящему к первым временам литовской письменности — к XVI—XVII стол. Что касается оттисков 8-го и 9-го отчетов г. Микуцкого, то я нахожусь в недоумении. Я думаю, что они имели другое назначение и присланы ко мне из Комитета по ошибке.

Получивши два новые источники для своего труда, я оставил на время обработку слов, выписанных из библии и взялся за чтение Доналейтиса. На первых страницах чтение шло довольно медленно, потому что нада [так!] было исследовать каждое почти слово. Но высоко уважая советы и

указания Ваши, Измаил Иванович, в соображениях своих я ограничиваюсь определением значений разбираемого слова, поясняя их фразами, в которых оно встречается, и сравнением литовских корней с одними только славянскими. Позволю [так!] себе только сравнение с литовскими словами латышских и старопрусских слов, пользуясь для последних двух языков лексиконом Штендера и лексиконом, помещенным при издании трех прусских катихизисов г. Нессельмана. Но я включил в круг своих занятий латышский и старопрусский язык для собственной своей пользы, желая познакомиться с этими языками, как родными собратями литовского языка. Внесение же слов и корней латышского и старопрусского языков в предполагаемый мною корнеслов совершенно будет зависеть от Ваших, Измаил Иванович, советов и указаний, которые я высоко уважаю и священно исполню. Слова пишу на карточках; для каждого корня назначаю особенную карточку. Ежели слова, развившиеся из одного корня, не вмещаются на одной карточке, то к ней присоединяю другую под номером вторым. Карточки я расположил по буквам в алфавитном порядке. Для каждой буквы я сделал два отделения карточек. В одном я поместил карточки, на которых выписаны корни, развившиеся в многообразные формы; в другом находятся карточки, содержащие корни, проявившиеся в одной-двух-трех формах. Карточки покамест расположены кучками на столе. Кучки эти ежедневно растут.

У нас пошли ясные весенние дни, напоминающие собою о приближающемся лете. Забыв великодушно все неудобства, которые Вы испытали в Новгороде в прошедшее лето, не прикажете ли, Измаил Иванович, приискать себе квартиру в Новгороде и для наступающего лета? Право, прекрасно бы было! Известный дом купца Федорова теперь занят, но можно бы найти и другую хорошую квартиру.

С высочайшим уважением и совершенною преданностью честь имею быть Вашим, высокоуважаемый Измаил Иванович, покорнейшим слугою

И. Юшкевич

1857 г. 25 марта

Новгород

Екатерине Федоровне прошу засвидетельствовать мое высочайшее уважение и удостоверить, что я и все их знакомые в Новгороде с удовольствием готовы предложить им свои услуги, ежели только они заблагорассудят осчастливить Новгород своим приездом в летнее время.

Ольге Измайловне, Людмиле Измайловне, Надежде Измайловне, Владимиру Измайловичу и Вячеславу Измайловичу низжайше кланяюсь. Николаю Александровичу — тоже.

14.

Милостивый государь,
Измаил Иванович!

Вчера я получил письмо Ваше и сегодня Петр Иванович отправил отписки г. Микуцкого при бумаге в Вильно к автору, с прописанием ошибки. Извините меня великодушно, высокоуважаемый Измаил Иванович, что я не сейчас известил Вас об этой неправильной посылке; частицу вины в замедлении с ответом я бы мог свалить на неисправность нашего почтамта, который по целым неделям задерживает письма и повестки, как например, и теперешнее Ваше письмо принято в Петербургском почтамте 28 марта, а я получил его 4 апреля. Иван Куприянович, дожидаясь последних листов пятого тома Известий II-го Отделения, предполагает, что может быть тюк,

назначаемый в Новгород, попал в Вильно по такой ошибке, как виленский в Новгород.

Весьма меня обрадовало, что Вы, высокоуважаемый Измаил Иванович, потребовали у меня пробных карточек предполагаемого мною корнеслова. Посылаю Вам их несколько в том виде, как они есть³. Но долгом считаю сказать, что они далеко не в законченном виде. Собирая материалы для предполагаемого корнеслова, я записываю на карточках те только слова, которые встречаю при чтении. Число их ежедневно увеличивается, масса материалов нарастает; но в органическую систему стану их приводить тогда только, когда будут рассмотрены мною все находящиеся у меня литовские источники. Из собранных материалов возьмется [так!] к делу то только, что существенно важно и сообразно с целью. Что касается объема предполагаемого труда, то я думаю, что можно бы ограничиться теми только формами, которые ведут к пояснению разных видов корней и их значений. Латышские и древнепрусские слова я не поясняю примерами, а привожу их для того только, чтобы показать, какие корни сохранились в ближайших ветвях литовского языка. Теперь читаю творение Доналейтиса и выписал я уже из него до 600 корней. Слова, выписанные из лит[овской] библии (до 6000), дожидаются еще разработки. На посылаемых карточках записаны формы из Донелейтиса, несколько только из Евангелия. Из посылаемых семи корней двух, кажется, нету в славянском языке: *lik* и *mau*.

Не могу не сознаться перед Вами, высокоуважаемый Измаил Иванович, что сведения мои в современной филологии весьма ограничены; и взгляд мой на предпринимаемый труд может быть весьма не правилен. Ежели осмеливаюсь взяться за столь важный труд, требующий многосторонних и основательных познаний в современной филологии, и ежели могу сделать что-нибудь полезное, то не иначе как при Вашем руководстве. Посему вложите на меня, высокоуважаемый Измаил Иванович, новый долг сыновней признательности, ежели, судя по посылающимся пробным карточкам о взгляде моем на начатый труд и об употребляемых мною приемах, Вы не откажитесь [так!] сообщить мне откровенно и прямо мнение свое о моем труде, и вместе с тем отеческие свои наставления. Душевно благодарю Вас, высокоуважаемый Измаил Иванович, за лит[овские] книги, которые Вы уже прислали и за обещание прислать их более, ежели только какие найдете; боюсь только продержат их долго у себя. Нам бы желательно было прочесть речь Вашу, читанную на университетском акте, кажется о палеографических приметах древних славянорусских рукописей. Честь имею поздравить Вас, высокоуважаемый Измаил Иванович, вместе со всем Вашим семейством с наступающим праздником Воскресения Христова и пожелать Вам доброго здоровья и всякого благополучия.

С высочайшим уважением и совершенною преданностию честь имею быть Вашим, высокоуважаемый Измаил Иванович, покорнейшим слугою

И. Юшкевич

1857 г. 5 апреля

Новгород.

15.

Милостивый государь,
Измаил Иванович!

Давно уже беспокоит меня совесть, что я так долго задержал Ваши книги. Извините меня в том великодушно, высокопочитаемый Измаил Иванович! Сегодня я отправил в редакцию Ученых Записок 2-го Отд. Ак. Наук следующие из них: 1) Четыре времени года Доналейта [так!], 2) Punktai

Sakimu Ширвида, 3) Dictionarium Ширвида, 4) Литовская грамматика Мильке, 5) Об элементах и формах славянского языка Каткова, 6) Об отношении языка славянского к языкам родственным Гильфердинга. Остальные Ваши книги я осмеливаюсь еще оставить у себя, но с величайшим опасением, чтобы не слишком во зло употребить той великодушной готовности Вашей, с которою Вы изволили открыть мне всю свою библиотеку и успокоивая себя тем предположением, что Вы будете со мною откровенны и прямо прикажете мне возвратить себе все свои книги, коль скоро Вам угодно будет иметь их у себя.

Доналейта сельскую поэму я нашел весьма обильным источником для своего труда. Хотя все почти формы литовского языка, встречающиеся в сельской поэме Доналейта, внесены в литовский лексикон Нессельманна, но Нессельманн большею частию не указывает, откуда они заимствованы, и не поясняет их значения примерами. Все эти формы я выписал на карточки, пояснил примерами и перевел на русский язык. Словарь Ширвида также вошел в состав лексикона Нессельманна. Dictionarium Ширвида (5-е изд. 1713 г. на 454 стр.), Punktai Sakimu его же (1-е изд. 1629 г., 2-ое — 1845 г.) и Грамматику Мильке я получил в подарок от Л. Ивинского, издателя Литовского календаря, с которым я вошел в переписку. Л. Ивинский, старший учитель приходского училища в м. Ретове Тельшевского уезда, десятый уже год издает на чистом жемайтском наречии Литовский календарь, в котором помещает некоторые исторические и статистические сведения о Литве вообще и о жемайтах. Он занимается также народной жемайтскою поэзиею.

Я теперь занимаюсь обработкой слов, которых число простирается уже до 10.000. Надеюсь, что в продолжении наступающих каникул я значительно подвину свой труд вперед. Весьма жалею только, что Вы не пожаловали к нам в Новгород на это лето. Я Вам, высокопочитаемый Измаил Иванович, так много обязан, что право не знаю, как Вас и благодарить. Благодарю Вас, благодарю. С высочайшим уважением и совершенною преданностью честь имею быть Вашим, высокопочитаемый Измаил Иванович, покорнейшим слугою.

И. Юшкевич

1857 г. 9 июня

Новгород

Екатерине Федоровне честь имею свидетельствовать высочайшее свое почтение, Ольге Измайловне, Людмиле Измайловне, Надежде Измайловне, Владимиру Измайловичу и Вячеславу Измайловичу низайше кланяюсь.

Петр Иванович, Мария Ивановна, Алексей Васильевич и Мария Андриановна поручили мне передать Вам и Екатерине Федоровне глубочайшие свои поклоны. Они весьма жалеют, что начинают терять надежду на приезд Ваш в настоящее лето в г. Новгород.

16.

Милостивый государь,
Измаил Иванович!

Вчерашнюю почтою я отправил в редакцию Ученых Записок II-го Отд. Ак. Наук свои тетрадки, составленные по поводу издания Литовской христоматии г. Шлейхера. Из числа статей, вошедших в состав этой книги г. Шлейхера, я перевел с литовского языка на русский пять песен, некоторое число загадок, пословиц и поговорок, и несколько сказок. В переводе я старался сохранить, сколько возможно было, буквальную верность подлинни-

ка и приискать такие русские выражения, из-за которых просвечивалась бы жизнь литовского поселенца и которыми бы определялся сколько возможно яснее его взгляд на природу и вообще его индивидуальность. Но выразить оттенки понятий и мыслей литовского поселенца на русском языке нелегко, и для меня было тем труднее, что я мало ознакомлен с русскою сельскою жизнью и с бытом русских поселенцев; посему и перевод у меня вышел, кажется, не так-то удачен и неплавен. В переводе сказок я позволил себе несколько удалиться от буквальной точности подлинника по той причине, что они изданы в том виде, в каком они списаны были с уст необразованного литовского поселенца или поселенки; простой, несладкий рассказ с одной стороны и особенности литовского языка с другой лишили меня всякой возможности перевести их дословно. Во всяком однако случае я старался сохранить полноту их содержания и те особенности, которыми характеризуются взгляд на природу и образ мыслей литовских поселенцев. Уклонения эти перевода сказок от подлинника касаются только одной формы рассказа. Что же касается литовских песен, то я очень жалел, что у меня не было под рукою сборника песен Берга; я думаю, что, может быть, я нашел бы в нем те самые литовские песни, которые и я перевел и я мог бы сличить его перевод с своим. Между литовскими загадками, пословицами и поговорками я нашел немного сходных с русскими, совершенно же сходных очень мало. В переводе сходных я не отступал от выражения подлинника; посему в русском переводе они являют какую-то оригинальную особенность. Теперь занимаюсь переборкою литовских корней.

С высочайшим уважением и совершенною преданностью честь имею быть Вашим, высокопочитаемый Измаил Иванович, покорнейшим слугою.

И. Юшкевич

1857 г. 20 июля

г. Новгород

Екатерине Федоровне честь имею свидетельствовать высочайшее свое почтение; Ольге Измайловне, Людмиле Измайловне, Надежде Измайловне, Владимиру Измайловичу, Вячеславу Измайловичу и Павлу Измайловичу нижайше кланяюсь.

17.

Милостивый государь,
Измаил Иванович!

Я много и много виноват перед Вами, высокоуважаемый Измаил Иванович, что так долго я не извещал Вас о состоянии своего труда, которого идеею и духовным и материальным содействием я вполне Вам обязан. Не могу похвалиться заметными его успехами, но впредь он подвигается ежедневно. Причинами его медленности суть служебные занятия, обширность самого труда и слабость здоровья. О некоторых обстоятельствах, относящихся до этого предмета, надеюсь иметь случай в скором времени объяснить лично, теперь скажу только, что материалов, собранных по источникам, скопилось много и надеюсь в половине будущего декабря месяца представить Вам хоть начало своего труда.

При этом случае честь имею поздравить Екатерину Федоровну с наступающим днем ее ангела и Вас, высокоуважаемый Измаил Иванович, с именинницею и пожелать Вам исполнения всех Ваших желаний и всякого в мире добра.

С высочайшим уважением и совершенною преданностию честь имею быть Вашим, высокоуважаемый Измаил Иванович, покорнейшим слугою.

И. Юшкевич

1857 г. 23 ноября
г.Новгород

Екатерине Федоровне честь имею свидетельствовать высочайшее свое уважение, барышням, Владимиру и Вячеславу Измайловичам нижайше кланяюсь.

18.

Высокоуважаемый
Измаил Иванович!

Письмо Ваше, которое я имел честь вчера получить, представило новые доказательства Вашей ко мне благосклонности, не знаю, право, как Вас и благодарить за Вашу ко мне приветливость, благодарю Вас! благодарю! Приглашение Ваше заехать прямо к Вам весьма для меня дорого и я с радостью воспользуюсь им.

Сегодняшнюю почтою я отправляю в редакцию Ученых Записок начало своего труда; к праздникам подготовлю и следующие листки. При чем посылаю записки Антония Малиновского о Новгородских соборах: Софийском, Никольском и Знаменском и три экземпляра Литовского календаря на 1858 г. присланные мне издателем его Л. Ивинским. Литовский календарь уже издается г. Ивинским одиннадцатый год. К Календарю на 1858 г. прибавлены: перечисление важнейших событий из всемирной и литовской истории, исчисление главных писмен [так!] и языков на земном шаре, статистическая таблица государств Европы, список ярмарок и церковных праздников в Жемайтской епархии, четыре народные сказки нравоучительного содержания из окрестностей местечка Твер (Тельшевского уезда), две народные песни, две странички народных поговорок и пословиц и указания способов практического лечения некоторых болезней. К Календарю на 1857 г. было прибавлено между прочими статьями большею частью теми же самыми что и в Кал[ендаре] на 1858 г. довольно подробное статистическое описание Тельшевского уезда в общих выводах и две народные сказки. Не могу не сказать Вам, высокоуважаемый Измаил Иванович, о том своем труде, который отвлел меня на некоторое время от главного моего труда. Вынужденный неоднократно нападениями педагогических наших журналов на вопиющие недостатки метода преподавания географии в наших училищах я составил статейку о приемах и способах своего преподавания и отправил ее в редакцию Журнала Русского Педагогического Вестника⁴. Весьма бы мне желательно знать, какою ее нашел г. Вышнеградский? Лышу себя надеждою иметь честь обо всем поговорить с Вами лично.

С высочайшим уважением и совершенною преданностию честь имею быть Вашим, высокоуважаемый Измаил Иванович, покорнейшим слугою.

И. Юшкевич

1857 г. Декабря 16 дня
г. Новгород

Екатерине Федоровне честь имею свидетельствовать высочайшее почтение. Барышням и друзьям своим Владимиру Изм[айловичу] и Вячеславу Изм[айловичу] кланяюсь.

Высокоуважаемый Измаил Иванович!

Мне очень совестно, что я так долго не пишу к Вам; причиною тому глазная болезнь, по которой все время от Нового года до сих пор я провел почти в совершенном бездействии. Ах, как скучно и томительно для меня прошло это время! Теперь, хотя еще продолжаю пользование, но уже по немножку начинаю и заниматься. По своему труду ожидаюсь нового богатого источника: Лука Ивинский, издатель известного Вам Литовского календаря, обещался мне прислать для пересмотра первые три части составляемого им Польско-жемайтского словаря. Что же касается моей статейки о преподавании географии, то она напечатана во 2-м и 3-м номерах Рус[ского] Педа[гогического] Вестника, но оттисков ее я еще не получил и не знаю существуют они или нет. Не думаете ли, Измаил Иванович, приехать на лето к нам в Новгород? Ах, как бы мы рады были, ежели бы Вы к нам приехали, я бы уж Вам отыскал самую лучшую дачу.

С глубочайшим чувством уважения и совершенной преданности честь имею быть Вашим, высокоуважаемый Измаил Иванович, покорнейшим слугою.

Иван Юшкевич

1858 года 13 апреля
г. Новгород.

Екатерине Федоровне честь имею свидетельствовать высокое свое уважение; Владимиру Измайловичу, Вячеславу Измайловичу и барышням посылаю низкий поклон.

Петр Иванович, Мария Ивановна, Петр Иванович Соловьев, Иван Купринович и Николай Карлович Отто посылают Вам почтительнейшие поклоны.

20.

Ваше превосходительство,
Высокоуважаемый Измаил Иванович!

Письмо Ваше весьма обрадовало меня, ибо приветливыми выражениями, которых оно исполнено, доказало, что я пользуюсь еще прежнею Вашею благосклонностью, благодарю Вас, высокоуважаемый Измаил Иванович, благодарю за Ваши ласки, благодарю и за дружеские советы Ваши побережь глаза; действительно до сих пор не могу еще заняться по серьезнее и продолжаю пользоваться водою и гомеопатическими каплями.

Честь имею поздравить Вас, высокоуважаемый Измаил Иванович, с производством Вас в действительные статские советники; все Ваши знакомые в Новгороде обрадовались узнавши о пожаловании Вам этой царской милости. Наконец и Ваши заслуги в деле науки столь важные и столь многосторонние хоть в части вознаграждены.

Мы очень рады, что Вы хоть проездом обещаетесь побывать у нас, я льщу себя надеждою, что пожелуете прямо ко мне: есть у меня две отдельные комнаты, Вы бы могли расположиться в них как у себя дома. Кстати, проездом через Новгород Вы бы посмотрели новый каменный дом инженерного полковника Женева с деревянным флигелем, небольшим хорошеньким садиком и со всеми хозяйскими удобствами, продающийся за сумму от 6 до 7 тысяч руб. сер. Это один из лучших домов в Новгороде; ежегодно может принести дохода от 500 до 7000 руб. сер. [так!] верх от 250 до 300, низ от 150 до 200 и флигель от 150 до 200; в особенности верх великолепен. Весь дом теперь не занят; он стоит на Московской улице возле Лютеранской церкви.

Покорнейше благодарим Вас, Измаил Иванович, за извещение о приезде к нам академиков Погодина и Куника; г. Погодин уже прислал Ивану Куприяновичу свои отпечатанные уже выписки исторических местностей древнего Новгорода для проверки их на месте. Мы ожидаем также графа Уварова из Москвы; к экзамену же ожидаем и своего попечителя князя Щербатова, но между тем на днях пронеслись слухи, будто он подался в отставку, верно ли это, или нет? не знаем. П. И. Соловьев очень рад, что его труд вышел в свет и дожидается его оттисков, но беспокоится тем, что не может дожидаться от г. Саваитова устава Софийского собора для представления его в Софийскую библиотеку к описи. Труд мой подвигается теперь весьма тихо, надеюсь заняться посерьезнее в вакантное время. Что же касается моей поездки в Литву, то ничего еще не знаю. Она зависит от фамильных наших обстоятельств; может быть брат мой из Литвы приедет ко мне в Новгород, но прежде чем что-либо решено будет, надеюсь иметь честь лично повидаться с Вами, высокоуважаемый Измаил Иванович, и в ожидании этой желаемой минуты с глубочайшим чувством уважения и совершенной преданности честь имею на всегда оставаться Вашего превосходительства покорнейшим слугою

Иван Юшкевич

1858 г. Мая 10 дня.

Новгород

Екатерине Федоровне честь имею свидетельствовать высочайшее свое почтение, барышням, Владимиру и Вячеславу Измайловичам пересылаю глубокие поклоны.

Иван Куприянович, Петр Иванович, Мария Ивановна, П. И. Соловьев посылают Вам почтительные поклоны.

21.

Ваше превосходительство,

Высокоуважаемый Измаил Иванович!

Я очень сожалею, что возвращаясь через г. Петербург я не застал Вас дома и не мог поговорить с Вами о некоторых предметах, относящихся к результатам моей нынешней поездки в Литву.

Главною целью этой моей поездки было как собрание новых материалов для составляемого мною Литовско-славянского корнеслова и для точнейшего определения главнейших говоров наших литовцев, так и пояснение находящихся уже у меня; посему я предполагал совершить путешествие по всем частям нашей Литвы, прислушаться ближе речи литовских поселян, побеседовать со знатоками и любителями литовского языка и литовских древностей, но на самом деле оказалось, что в так короткое время, всего в один месяц, нельзя побывать в противоположных концах нашей Литвы, посему я должен был ограничиться посещением мм. Ворн, Ейрегола и Пушолат и их окрестностей. Язык литовцев, живущих в Ворненском приходе и в прилегающих к нему приходах, может служить образцом жемайтского или жмудского говора, язык литовцев Ейрегольского прихода может быть образцом панямунского литовского говора, а язык пушолатских и вообще поневежских литовцев может быть принят за образцовый говор собственно-литовцев, т.е. литовцев, живущих в уездах Поневежском, Вилкомирском и Ново-Александровском, в губерниях Виленской и Гродненской. В этих трех околотках я списывал с уст литовских поселян народные литовские песни, повести, пословицы и поговорки и собрал 40 песен жемайтских,

12 на ейрагольском [так!] или панямунском говоре и 30 на пушолатском или собственно-литовском. Теперь в продолжении августа м[еся]ца я переписал их на чисто и перевел на русский язык строфа в строфу, стих в стих. Кроме этого я привез с собою до 50 песен списанных моим братом и неизвестными лицами несколько стихов, между которыми замечательные стихи о весне, состоящие из 25 строф, в каждой строфе по 8 стихов неравномерных, и стихи о разделении работ между членами сельского семейства в летнее время. Из них первые переведены уже мною на русский язык.

Я бы желал издать свои песни в виде особенного сборника вместе с русским переводом, помещая в предисловии свои заметки об особенностях каждого из трех литовских говоров, на которых эти песни изданы. Я бы присоединил сюда три литовские народные песни на языке свенцянских литовцев, на котором уже отпечателось влияние белорусского языка. Эти три песни я списал со слов свенцянской литовки, ехавшей вместе со мною на пароходе из г. Свенцян в С. Петербург. Можно бы увеличить этот сборник песен присоединением песен, списанных моим братом и неизвестными лицами. Мне бы только желательно было издать их под покровительством Академии Наук или Русского Географического Общества, чтобы избежать цензуры не потому, что бы в них была какая-либо черта, противная правилам цензуры, но чтобы она не задержала их у себя долго.

Издание этих песен имело бы то важное значение, что представляло бы свежие образцы трех говоров наших литовцев, очень мало известных г. Шлейхеру. В правописании я старался сохранить все оттенки народного выговора; вместо смягчительного *i* я везде употребил острый знак *í* над смягчаемою согласною, чтобы облегчить чтение не привыкшим принимать *i* за смягчительный знак. Из 130 находящихся у меня песен я не нашел ни одной в сборнике песен Нессельмана.

Списанные мною сказки, пословицы и поговорки я думаю издать после уже вместе со сказками, пословицами и поговорками, списанными моим братом.

Для своего корнеслова я приобрел значительный запас материалов. Я нашел много новых коренных форм языка в сказанных песнях и сказках, списанных в селениях большею частью уединенных, окруженных лесами, и у людей старых и говорящих одним только своим природным языком. Много новых слов я записал в разговоре с ними. Я приобрел и несколько печатных книг, которых еще не было у меня. Между ними замечательнее: об обычаях древних литовцев (Довконта под псевдонимом Лаукя). Но несравненно богаче источник я нашел в вновь переделанном рукописном лексиконе пушолатского говора (в 14 верстах от г. Поневежа) моего брата. Здесь значение каждого слова пояснено примером, взятым из живой речи вместе с объясняемым словом. При каждом слове приведены его синонимы, значение которых поясняется на своем месте. Так напр. к слову: *kalbėti* говорить, приведены 50 синоним. Эта особенность упоминаемого лексикона весьма важна для литовского лексикографа. Перевод сделан на польский язык, потому что брат мой не знает русского языка. Брат мой желает его издать еще в нынешнем году, только боится чтобы цензура не задержала его долго. Объем его может быть до 400 печатных страниц in 8°.

Песен своих я не посылаю к Вам теперь, потому что русский их перевод еще на чисто не вписан и что я надеюсь быть в Петербурге в первой половине сентября вместе с братом, которого ожидаю к себе. — Я слышал, что в настоящее время нет действительного цензора литовских книг, и что цензура вручена временно двум лицам; нельзя ли мне как-нибудь зарекомендовать себя на это место?

С глубочайшим чувством уважения и совершенной преданности честь имею на всегда быть Вашего превосходительства, высокоуважаемый Измаил Иванович, покорнейшим слугою.

Иван Юшкевич

1858 г. 27 августа

Новгород.

Ее превосходительству Екатерине Федоровне честь имею свидетельствовать свое высочайшее уважение. Ольге Измайловне, Людмиле и Надежде Измайловнам, Владимиру и Вячеславу Измайловичам посылаю нижайшие поклоны.

Я много виноват перед Вами и Елисаветой Григорьевной, что лично не вручил ей Вашей посылки. Это сделалось против моего желания; в Риге всего я был несколько часов, а Болдер-аа находится в 12 верстах от Риги, время не позволило мне туда съездить; посылку я отправил по почте.

Мария Ивановна, Иван Куприянович, Отто, Соловьев, Федоров посылают Вам свои почтительные поклоны и всегда мило Вас вспоминают. Петр Иванович теперь в разъездах по училищам.

22.

Ваше превосходительство,
Высокоуважаемый Измаил Иванович!

Извините меня великодушно, высокоуважаемый Измаил Иванович, я без намерения употребил во зло дорого ценимую мною Вашу доброту ко мне; я думал, что я уже возвратил Вам все книги, кроме Священного писания на литовском языке, посему меня очень поразило и обеспокоило, когда Иван Куприянович сказал мне, что Вы требуете Чельгрена. Вчера я его и отправил в редакцию Ученых Записок, но извините меня, что к посылке я не приложил письма; Иван Куприянович сказал мне об этом в классе и оставалось так мало времени, что я едва успел приготовить посылку и отправить ее на почту. Что касается Чельгрена, то я ничего не помню. Я все думал, что я его Вам уже отдал и себе выписал в прошедшем году от Эгерса, но мой где-то забросился и я его покамест не нахожу. Находящееся у меня Ваше Священное писание я задержал еще у себя, потому что не могу обойтись без него, но как только прикажете, сию минуту отошлю Вам с искреннею благодарностью. Мне, право, совестно, что я задерживаю так долго Ваши книги, которые могут быть и Вам самим нужны. Литовское Священное писание я бы себе приобрел в собственность, ежели бы только можно было откуда-либо его выписать.

Совестно мне, право, перед Вами, высокоуважаемый Измаил Иванович, что в продолжении так долгого времени я не исполнил еще данного слова относительно своего труда. Между прочим главною причиною этого замедления была глазная болезнь, последствием которой осталась раздражительность глаза, мешающая заняться столько, чтобы успехи труда были заметнее. Не менее мешали ежедневные служебные занятия, поглощавшие все лучшее время и лишавшие всей свежести сил и бодрости духа. Скоро надеюсь перейти в село Медведь, думаю, что новая должность будет свободнее и легче и позволит мне заняться предпринятым трудом с большею энергиею и успехом.

Литовских песен потому я не посылаю, что дожидаясь от брата некоторых сведений пояснительных относительно тех проявлений народной жизни, которые встречаются в собранных мною песнях.

Названия степеней родства в литовском языке посылаю с этим письмом. Они собраны моим братом, кс. Антонием, я расположил их по взаимному их отношению и перевел на русский язык.⁵

Честь имею поздравить Вас, высокоуважаемый Измаил Иванович, и ее превосходительство Екатерину Федоровну с наступающими праздниками и пожелать Вам доброго здоровья и всякого благо[так!] в жизни. Я, кажется, не буду в г. С. Петербурге во время этих праздников, потому что, по семейным делам я еду на три дня в г. Москву, а к Новому году я должен спешить в с. Медведь к новой должности, думаю, что к этому времени уж и приказ состоится.⁶

С глубоким чувством высочайшего уважения и совершенной преданности честь имею на всегда быть Вашего превосходительства, высокоуважаемый Измаил Иванович, покорнейший слуга

Иван Юшкевич

17 декабря 1858 года

г. Новгород.

Ее превосходительству Екатерине Федоровне честь имею свидетельствовать высокое свое почтение. Ольге Измайловне, Людмиле и Надежде Измайловнам, Владимиру и Вячеславу Измайловичам честь имею послать глубокие поклоны и поздравить их с наступающими праздниками.

23.

Ваше превосходительство

Высокоуважаемый Измаил Иванович!

Душевно сожалею, что, по причине нездоровья, не могу иметь чести побывать у Вашего превосходительства и лично попросить Вас сделать милость извинить меня перед Вторым Отделением Ак. Наук, что я так долго задержал у себя записки г. Акелевича о литовском языке. Стечение служебных обязанностей не позволило мне раньше исполнить столь лестного для меня поручения, которым почтило меня Второе Отделение. Первую рукопись г. Акелевича под заглавием „Нечто о Литовщине“ честь имею теперь представить вместе с своим, по ее поводу, замечанием; вторую же постараюсь по возможности скорее рассмотреть и возвратить в Отделение.

С глубоким чувством уважения и совершенной преданности честь имею быть Вашего превосходительства покорнейшим слугою.

И. Юшкевич

5 марта 1860 года

С. Петербург.

Ее превосходительству Екатерине Федоровне честь имею свидетельствовать свое высочайшее уважение.

24.

Ваше превосходительство,

Высокоуважаемый Измаил Иванович!

Честь имею покорнейше благодарить Вас, высокоуважаемый Измаил Иванович, за сообщение мне филологических исследований Касп. Вильг. Смита; я их нашел для себя весьма интересными. Посылая их у [сего? — слово неясно], честь имею присоединить и свои об них заметки.

При этом случае не могу не открыться перед Вами, высокоуважаемый Измаил Иванович, что судьба „моих литовских говоров“ меня интересует. Ежели бы они удостоились печатания в Известиях II-го Отделения, то бы я покорнейше просил предоставить мне их корректуру.

С высоким уважением и совершенною преданностию честь имею быть
Вашего превосходительства покорнейшим слугою

Иван Юшкевич

Сентября 27 дня 1860 года
С.Петербург.

Ее превосходительству Екатерине Федоровне честь имею свидетельствовать свое высокое уважение.

25.

Ваше превосходительство,
Измаил Иванович!

Я много виноват перед Вами, Измаил Иванович, что так долго не написал к Вам ни словечка. Но часть вины могу свалить на обстоятельства. Приехавши в Казань, я хотел было сперва повидаться с Виктором Ивановичем⁸ и сколько нибудь познакомиться с особенностями города, но многочисленные служебные мои обязанности и отношения лишили меня всякой возможности воспользоваться удобным к этому временем. Между тем я сделался не совсем здоров, вероятно, в следствие влияния климатических особенностей казанской местности, действующих обыкновенно сильнее на новые субъекты. Таким образом время летело незаметно. С Виктором Ивановичем я виделся только два раза, о Казани знаю только по рассказам, самому удалось проехать лишь по некоторым ее улицам.

Прежде чем скажу что либо о Казани следовало бы вспомнить о путевых впечатлениях, но они ничем особенным не замечательны. Из Петербурга до Казани я ехал безостановочно семь дней: до г. Владимира по железной дороге на пассажирском поезде, а из Владимира в собственной кибитке на почтовых. Дорога была местами довольно ухабиста, погода плохая, пурга бушевала с небольшими остановками. Ниже г. Нижнего пришлось ехать по льду р. Волги до 300 верст. На этом пространстве взор путешествующего любителя природы может развлекаться живописностью нагорного берега Волги, который до бесконечности разнообразен и во многих местностях по большой крутизне своей совсем обнажен от снега.

В Казань я въехал ночью. На другой день я проехал по главной ее улице, Воскресенской, к своему училищу. С первого разу город по своему внешнему виду показался мне довольно большим и красивым. Он расположен на неровной местности по левому берегу речки Казанки. В середине себя еще имеет два озера: Кабан и Черное, и прорезывается еще ручьем Булаком. Так обр[азом] в Казани воды очень много, но она наполнена инфузориями и совсем негодна для употребления. Для кухни и питья возят воду из одного колодца для всего города.

Климат Казани вообще нездоров. Зимой бывают постоянно большие морозы; 20 градусов холода по Реом[юру] считается обыкновенным и несколько нетягостным для жителей туземцев. Весною город заливается кругом водою от разлива реч. Казанки и р. Волги, соединяющих свои воды с водами упомянутых озер. В это время появляются упорные лихорадки, которые усиливаются и умножаются летом, когда находившиеся под водою луга и долины начинают высыхать и наполняют воздух вредными испарениями.

Главная улица в Казани, Воскресенская; она идет по возвышенному месту Казани между озерами от Университета в Кремль. Наше военное училище находится в Кремле и занимает почти половину его. Это в северо-за-

пад[ной] части города на высоком берегу р. Казанки. Училище состоит из двух огромных трехэтажных зданий, образующих посредине немалую площадь. В одном из принадлежащих сюда [так!] флигелей находится и моя квартира против больших дверей Кафедрального собора близехонько, только через улицу; отсюда то неудобство, что гул колоколов совершенно заглушает. Квартира огромная, состоящая из десяти неудобно расположенных комнат.

В училище теперь воспитанников 540 (комплект на 800), учителей 32, законоучителей священников 4, кроме то[го] для иноверцев католический ксендз, пастор и мула.

Моя главная обязанность состоит в руководствовании учебною деятельностью преподающих и в наблюдении за правильностью воспитания в ротах, она поглащает мне [так!] большую часть времени — от 8 часов утра до 6 1/2 по полудни. Для литовского корнеслова остаются мне только вечера; в продолжении полтора месяца в Казани я мог только составить таблицы слов, начинающихся с гласных звуков. Надеюсь однако, что, когда порядок восстановится и учебная деятельность войдет в свою колею, то мне останется более свободного времени.

Виктор Иванович столь внимателен ко мне и добр, что предложил мне всевозможное свое содействие. В Казани он пользуется всеобщим уважением и бывает всегда окружен своими слушателями и молодыми учеными; но, кажется, он недоволен своим положением и желает скорее уехать из Казани, а посему нанимает и квартиру временно в гостинице Рязанова. В Казани я нашел своего товарища по гимназии, природного литовца и исследователя лит[овского] языка, Угянского, который ныне экстр[а=]орд[инарным] профессором греч[еской] литер[атуры] в Казан[ском] университете.

С высочайшим уважением и совершенною преданностью честь имею быть Вашим, Измаил Иванович, покорнейшим слугою.

Иван Юшкевич

22 марта 1862 г.
г. Казань.
Военное училище.

Ее превосходительству Екатерине Федоровне честь имею свидетельствовать свое высокое уважение.

Почтительнейшие мои поклоны душевно уважаемой Ольге Измайловне; будущим сподвижникам науки Владимиру и Вячеславу Измайловичам также кланяюсь; умного Борю целую. Поклон также Людмиле, Надежде и Вере Измайловнам.

26.

Ваше превосходительство,
Измаил Иванович!

Рукописные сборники литовских слов и литовских песен, присланные г. Микуцким в Отделение, рассмотрены мною. Позволяю себе сказать об них несколько слов, так как они мне показались [так!].

Слова содержатся в двух сборниках; в одном и в другом они расположены в алфавитном порядке. Первый сборник состоит из 15 листов и содержит в себе до 1500 слов, второй — из 10 и содержит до 900 слов. На конце первого сборника помещена повсеместно ныне употребляемая семейная песня: Oj, dēvuļajī, ne galū, Ой, Боже мой, не могу, на последнем же листе второго сборника находятся литовские поговорки, загадки и пословицы.

Слова первого сборника переведены сперва на польский язык, после на русский одним, двумя и тремя подобнозначущими словами, и большая их часть пояснена примерами, но примеры оставлены без перевода, немногие только переведены на польский язык; кажется, все они собраны из литовских книг, которых названия указаны начальными буквами или начальными слогами: D., Dauk., Dauksz., Sz., Szir., N.T.d.f., N.T.n.f., K.K., P.M., Ped. Mir., Bałs, Roż., Brom., но пояснения этих сокращений не приложено. Из содержания примеров и их языка явствует, что они заимствованы из религиозных книг прошедших столетий: 16, 17 и 18-го, несмотря на то несравненно большая часть слов принадлежит к общеупотребительным в живой речи, остальные — к местным говорам, немногие — к обветшалым. Но каково бы ни было их употребление, во всяком случае они составляют полезный материал для литовского лексикона, но материал ожидающий осмотнительной разработки; значение и употребление многих слов этого сборника, кажется, надо бы выразить определеннее и полнее, и пояснить примерами предпочтительно из чистой живой речи, потому что во всех литовских книгах, особенно духовного содержания резко заметно влияние польского языка; так напр[имер], Ширвид, на подобие того, как в польском языке от *głowa* производится *główny*, от *około* — *okoliczność* и в литовском языке производит от *galva*, *galvingas* в смысле *główny*, от *aplink*, *około*, — *aplinkibė*, *okoliczność*, в смысле — обстоятельство — слово *aplinkibė* совсем не употребляется в живой речи. Все наши составители литовских книг хотя и были природные литовцы, каковы: Даукшус, Ширвид, Побрежа, Гойлевич, Рупейко и др. но получили школьное образование на языке польском и латинском и в последствии уже принимались за литовский язык и составляли литовские книги.

Совсем иной характер являет второй меньший сборник слов. Здесь слова переведены одним польским словом, не поясняются примерами и не сопровождаются никакими указаниями, откуда они заимствованы. Все они с небольшим исключением принадлежат к местным говорам и все, кажется, почерпнуто из чистой живой речи нашей Литвы; большая их часть употребляется литовцами, живущими в окрестностях местечек Посволя и Бирж Поневежского уезда. Г. Микуцкий приглашал в 1860 г. посредством газеты „*Kurier Wileński*“ любителей литовского языка собирать литовские слова и произведения литовской народной поэзии и присылать ему в г. Варшаву. Вероятно и слова этого сборника были ему присланы по этому вызову. Как бы то ни было слова этого сборника составляют богатый и большею частью новый материал для литовского лексикона. Кажется, основательная разработка их возможна только в самой Литве среди живой речи, где они употребляются.

Литовские песни, собранные г. Микуцким, разделяются на хороводные и свадебные; все они принадлежат к народным произведениям прошедших столетий и ныне обычай петь их удерживается еще, но в весьма немногих местностях, а посему они и являют особенную этнографическую и филологическую важность.

Хороводные песни „*Sutartinės* (*sutarti*, соглашаться), *dainės* или *saugės* (*saugù*, *saugáu*, *saugti* запевать, вторить, немножко отставая) подразделяются на *dvėjauges* (*dvėju* вдвоем + *saugti*), *trisaugės* и *ketursaugės*. Первых 12, вторых 37, а последних 34. Каждый род этих песен отделен друг от друга, прежде идут *dvėjaugės*, далее *trisaugės* и наконец *ketursaugės*. В начале первого рода песен (*dvėjaugės*) помещено такое объяснение на литовском языке: „*Dvėjaugės* так называется потому, что вдвоем поются; первый песенник называется вожатым (*vadovu arba rinkėju*. *Vedù* веду, *renkù*, *rinkáu*, *rinkti*, собирать), а второй — следователем (*sūkėju arba užsūkėju arba sekėju*. *Sekù*, *sekáu*, *sėkti* следую, ...вал, ...вать). Первый (*vadovs*) начинает петь первую строфу, второй (*sūkėjus*) вслед за ним поет, отставая от него всегда на

известное расстояние. Эти песни (dvējsaugēs) тем отличаются от trīsaugēs, которые поются втроем — первые два поют так как и в dvējsaugēs, а третий между тем поет себе известный напев — и от ķētersaugēs, поющих вчетвером, что имеют одного вожакого — запевалу. Поющие ķētersaugēs разделяются на два хора“. Все saugēs написаны на восточно-литовском говоре, но оттенки произношения восточных литовцев, кажется, сглажены, вероятно, их собирателем. Гораздо более особенностей звучности восточно-литовского говора выражено в свадебных песнях. Свадебных песен немного или лучше сказать всего одна грустная унылая песня невесты — *rauda īstekentōs* (*rauda*, рауда, плачевная песня; *gaudoju*, -*jau*, -*doti*, плакать, рыдать; *tekū*, *tekėjau*, *tekėti*, теку, течь; *īstekėti*, выходить замуж) — которую она поет при разных случаях свадебного обряда: когда ее сядят за стол в воскресенье утром, когда приезжает жених на двор, когда он входит в сени, когда входит в избу, когда его сажают за большой стол, когда дружка подает ей венок жениха, когда берут вести ее к жениху, идучи по избе, севши, прощаясь пред отъездом к венчанию, возвратившись из церкви у ворот родительского дома, въехавши на двор, благодаря за подарки, браня сваху на другой день после венчания, когда ее приданное кладут на воз, и когда сама она садится в повозку. *Rauda īstekentōs* поется во время свадебных обрядов в немногих местностях; в хранящемся у меня в рукописи довольно подробном описании свадебных обрядов у литовцев, живущих в окрестностях г. Поневежа, ее нету. После рауды следует еще четыре песни, которые можно отнести к свадебным. Они также написаны на восточно-литовском говоре.

В известных мне печатных сборниках литовских песен нет ни сауг, ни рауд, и вообще напечатано[так!] весьма немногие песни, которые поются в нашей восточной Литве, посему напечатание сауг и рауд, как чисто народных песен, было бы весьма полезно как в филологическом так и этнографическом отношении. У меня хранится 150 литовских народных песен, собранных мною и моим братом; в числе их есть 25 сауг; я думаю об их издании и дожидаюсь благоприятного к этому времени, но в настоящее время я занялся составлением учебной Русско-литовской грамматики⁹ и учебной книги для классного чтения и посему оставил на время свои занятия по составлению литовского корнеслова и пока взяться не могу и за другую какую либо работу. Можно бы издать в одном сборнике все литовские песни: и хранящиеся у меня и присланные г. Микуцким.

Что же касается „*rauda īstekentōs*“, то ее можно бы напечатать вместе с хранящимися у меня свадебными обрядами на литовском языке и в переводе на русский; она тут была бы кстати и послужила бы к более полному изображению этого явления народной жизни литовцев.

Позвольте мне, Измаил Иванович, сказать здесь пару словечек и о себе. Я уже писал к г. попечителю Виленского уч[ебного] окр[уга] князю Ширинскому Шахматову о составлении мною учебной Литовско-русской грамматики и учебной литовской книги для классного чтения и просил включить меня в число кандидатов на директорские места в одну из гимназий, лежащих в той части Виленского уч[ебного] окр[уга], которая населена природными литовцами. При письме я послал две свои брошюры: О литовских говорах и Литовской грамматике Шлейхера¹⁰, и четыре брошюры педагогического содержания¹¹. К Министру Народного просвещения с такою просьбою еще я не обращался; может быть лучше было бы отложить это пока не кончу составлением Литовской грамматики.

Виктор Иванович сказал слово по славянски в университете за обедом, данным 8 сентября по поводу празднества тысячелетия [так!] России. Слово это и древне-славянски[й] памятник о Кирилле и Мефодии, изд. Виктора Ивановича при этом письме посылаю.

С высочайшим уважением и совершенною преданностью честь имею на всегда быть Вашим, Измаил Иванович, покорнейшим слугою.

Иван Юшкевич

1862 года 18 сентября
из Казани

Ее превосходительству Екатерине Федоровне и Ольге Измайловне честь имею покорнейше просить засвидетельствовать мое высочайшее почтение и передать мои дружеские поклоны Владимиру, Вячеславу и Борису Измайловичам, а также Людмиле[так!], Надежде и Вере Измайловнам.

27.

Ваше превосходительство,
Измаил Иванович!

Не могу написать и нескольких строк к Вам, Измаил Иванович, не начиная их с выражения чувства благодарности, которым я глубоко проникнут к Вам за Ваши дружеские советы и всегдашнее Ваше внимание к моим трудам по литовскому языку; не знаю, право, как Вас и благодарить за это.

Рукопись свою Литовской грамматики посылаю в Академию и поручаю ее Вашему благосклонному вниманию. Отправление ее потому затянулось, что в дороге глаза мне до того покраснелись, что, приехавши домой, в продолжении двух недель я должен был удерживаться от всякого чтения.

На нынешней же неделе постараюсь отправить начальнику западных губерний заявление о своих литовских учебниках; но еще не знаю, каким образом это сделаю, — через свое ли начальство, или через Казанского военного генерал-губернатора. До сих пор я еще не хлопотал об этом, потому, что счел нужным прежде отправить рукопись в Академию.

На днях в Рус[ском] Инвалиде я прочитал статью г. Гильфердинга: „Об умиротворении Польши“. Между прочим он полагает введение литовского языка вместо польского повсюду в литовско-русских губерниях главным средством к всегдашнему успокоению поляков. Слово это в пользу литовщины придало весу нашей стороне; дай бог, чтобы истина эта распространилась как можно более и была признана.

Примите уверение в глубочайшем уважении и совершенной преданности, с которым имею честь быть на всегда Вашим, Измаил Иванович, покорнейшим слугою.

Иван Юшкевич

10 сентября 1863 года
г. Казань

28.

Ваше превосходительство,
Измаил Иванович!

Извините меня великодушно, Измаил Иванович, что я, пользуясь всегдашнею Вашою благосклонностью ко мне и вниманием, позволяю себе смелость утруждать Вас следующей моею просьбою.

Приготовляя к печати литовско-русскую грамматику и литовско-русский словарь, я желал бы прежде напечатать некоторое количество литовских народных песен русскими буквами в виде опыта, чтобы видеть, на сколько литовский алфавит из русских букв применим к литовскому языку,

если при этом принять во внимание звуковые особенности и местных его говоров. Посему посылая при сем тридцать три литовские песни с переводом их на русский язык, честь имею покорнейше просить Вас, Измаил Иванович, благоволить исходатайствовать напечатание их в числе академических изданий¹². Ежели бы этого нельзя было сделать, то я готов принять на себя расходы по печатанию их, лиш[ь] бы только их напечатать. Я бы желал напечатать их в количестве 200 экземпляров. Если бы их печатание пошло хорошо, то можно бы приготовить к печати их побольше. В последние два года до 1500 песен списаны мною и моим братом со слов литовских песенников и песенниц.

Осмеливаясь льстить себя надеждою, что Вы, Измаил Иванович, не отвергнете моей просьбы, с глубочайшим уважением и совершенною преданностью честь имею быть Вашего превосходительства покорнейшим слугою

Иван Юшкевич

28 ноября 1866 года
Нижний Новгород.

29.

Ваше превосходительство,
Измаил Иванович!

В ноябре месяце прошедшего года я имел честь послать Вашему превосходительству литовские народные песни с покорнейшей просьбою напечатать их в Академии. Ныне, читая в Петербургских Ведомостях отчет по II Отделению СПб Академии Наук, нахожу приятное для меня известие, что помянутые песни будут напечатаны в числе академических изданий¹³. Таким образом желание мое относительно означенных песен исполнилось лучше даже, чем я мог надеяться. Остается мне принести Вашему Превосходительству мою душевную благодарность как за снисходительное Ваше внимание к моему труду, так и за самый лестный для меня Ваш отзыв об нем, и вместе с тем возобновить мою покорнейшую просьбу о напечатании 200 экз. оттисков в мою пользу. Расходы по этому предмету будут мною удовлетворены или высылкою следуемых денег по почте, или лично во время наступающих летних каникул.

Пользуясь этим случаем не могу не присовокупить пару слов о перемене моего положения. Его сиятельству господину Министру народного просвещения угодно было предложить мне перейти на службу в Царство Польское или в другое ведомство, вероятно вследствие общей меры, по которой католикам-уроженцам западных губерний на будущее время не будет дозволено занимать административных (инспекторских и директорских мест) в учебном ведомстве Министерства нар[одного] просвещения. Посему по предложению г. попечителя Казанского Учеб[ного] Округа я согласился взять место учителя латинского языка в Екатеринбургской гимназии, имея в виду, что там пенсия учителей по старому штату такая же, как и в столичных гимназиях, т.е. 700 руб. Примираясь с новым своим положением, принимаюсь теперь за древнюю филологию. Надеюсь, что при учительской должности иметь буду больше времени заняться и литовским языком. Жизнь и на Урале не должна ослабить литовщины.

Прошу принять уверение в моем всегдашнем глубочайшем уважении и совершенной преданности, с коими имею честь быть Вашего превосходительства покорнейший слуга

Иван Юшкевич

12 февраля 1867 года
из г. Екатеринбурга.

Ваше превосходительство,
Измаил Иванович!

В прошедшее лето Ваше превосходительство позволили мне и моему брату, Антонию, прислать к Вам букву *a* составляемого нами Литовско-русского словаря. Мы предполагали кончить ее к октябрю месяцу, но она оказалась вдвое больше буквы *m*¹⁴. Я получил уже от брата 73 листка его письма, и жду еще от него по крайней мере столько же. Приготовленные мною листки уже переписываются начисто учеником VIII класса Третьей Казанской гимназии, Усаниным, который из любви к языкам с охотою взял на себя эту работу с тем, чтобы, переписывая, сколько нибудь ознакомиться с литовским языком. Судя по ходу работы, полагаю, что буква *a* может быть кончена не раньше последних чисел следующего ноября месяца. Тогда поспешу представить ее благосклонному вниманию Вашего превосходительства.

С глубочайшим уважением и совершенною преданностью честь имею быть Вашего превосходительства покорнейшим слугою.

Иван Юшкевич

5 октября 1876 года

в г. Казани

в Третьей гимназии.

Ваше превосходительство,
Измаил Иванович!

Сего марта месяца 25 числа я сдал на почту букву *a* составляемого нами опыта литовско-русского словаря, адресу на имя Вашего превосходительства во второе отделение Академии Наук. Отправление буквы *a* замедлилось на три месяца по случаю моей переписки с братом относительно употребления буквенных знаков и ударений. Но между тем работа по литовскому словарю не останавливалась ни у меня, ни у брата. Все свободное от служебных обязанностей время посвящается на этот труд. Я перевел уже букву *b* [так!] и оканчиваю перевод буквы *d*. Однако перевод на русский язык идет довольно медленно, потому что встречается много таких литовских слов из сельской жизни простого люда, которым приискать соответствующие русские слова иногда бывает затруднительно; но в Казани среди русского народа я нахожу возможность одолеть эти затруднения, чего однако я не мог бы сделать, если бы я занимался переводом на русский язык, живя в Литве. Букву *m* я перевел в прошедшее лето в Литве, посему я нахожу нужным вновь ее пересмотреть.

Проверка латышских слов требовала много времени и представляла немало затруднений, посему мы решились исключить ее [так!] из словаря.

Я бы полагал, что для более точного и ясного понимания этимологического строя литовского языка необходимо пояснение производственных приращений и грамматических окончаний. Во введении, приложенном к букве *a*, я сказал, что пояснение это прилагается, но оно еще не готово. Теперь при переводе я собираю материалы и ко времени окончания словаря оно будет готово.

Я переименовал прежнее заглавие „Материалы“ на „Опыт литовско-русского словаря“, потому что я бы желал, воспользовавшись столь богатым материалом брата, сделать этот труд более годным и более полезным. Я готов проверить материалы на месте, там, где они собраны, вновь пересмотреть весь

труд и переделать дело, если только Ваше превосходительство благоволите указать мне на его недостатки.

В наступающее лето около 15-го июля я надеюсь быть в Петербурге, посему льщу себя надеждою лично узнать Ваше мнение об этом моем труде.

С глубочайшим уважением и совершенною преданностью честь имею быть Вашего превосходительства покорнейшим слугою

Иван Юшкевич

29 марта 1877 года
в г. Казани

32.

Ваше превосходительство,
Измаил Иванович!

Я имел честь чрез И. А. Бодуена-де-Куртенэ получить Ваше письмо об отослании моей рукописи, буквы *a*, профессору Потебню[так!]. Не знаю уж, как и благодарить Вас за Ваше это живое участие к нашему труду. Мне остается только думать о том, чтобы вести его дальше и сделать как можно более годным.

В букве *b* и следующих отличены слова с неподвижным ударением от слов с подвижным ударением. Кажется, что это не будет бесполезным прибавлением. Нужно бы и в букве *a* сделать это отличие; посему я позволяю себе покорнейше просить Вас, Измаил Иванович, по возвращении рукописи г. Потебнею, благоволить прислать мне ее и, если можно, то вместе с буквою *m*, которую Вы позволили мне оставить у Вас в прошедшее лето. Знаки отличия неподвижных от подвижных слов те же два знака, что и для ударения: наклонная черта справа на лево (') над долгим слогом и — слева на право (') над коротким слогом, только с прибавлением к ним черточки снизу под углом, так: $\angle$ — над долгим слогом, $\vee$ — над коротким слогом. Боюсь только, чтобы это прибавление не затруднило печатанья.

Без сомнения, Измаил Иванович, Вы вместе с Владимиром Измайловичем и Вячеславом Измайловичем, приедете в нынешнее лето в Казань на съезд Археологического общества. Я очень жалею, что на лето уезжаю в Литву и этим лишаюсь возможности пригласить Вас остановиться у меня; теперь мне остается предложить Вам, неужгодно ли будет прямо заехать в мою квартиру, которую я оставил за собою и на будущий год. Она находится среди города совсем близко к Университету на улице Рыбно-Рядской в доме М. А. Александрова. Это первый дом от Николаевской площади, каменный, красный, против гостиницы Новгород. Караулить его оставлен вполне надежный человек, Семен, который во всем может услужить, только стол пришлось бы брать у какого либо повара в городе. Я был бы весьма счастлив, если бы Вы, Измаил Иванович, вместе с Вашими спутниками нашли для себя удобным поместиться в моей квартире на время съезда. Я возвращусь в Казань только к 15 августа.

С глубочайшим уважением и совершенною преданностью честь имею быть, Измаил Иванович, Вашим покорнейшим слугою.

Иван Юшкевич

1877 года 29 мая
в Казани

Адрес ко мне

Преподавателю древних
языков 3-й Казанской гимназии

Ваше превосходительство,
Измаил Иванович!

Еще в начале ноября месяца я имел счастье получить Ваше письмо, исполненное искреннего Вашего ко мне благоволения, за которое приношу Вам глубочайшую мою душевную благодарность. Не мог я до сих пор собраться написать к Вам по причине глазной болезни, в следствие которой я должен был удерживаться от всякого чтения и письма; теперь начинаю поправляться и скоро снова возьмусь за дело. Что касается моего здоровья, то вообще оно теперь далеко не то, что было; очень часто чувствую тяжесть в груди и задышку.

Вы изволили писать ко мне, Измаил Иванович, что в вашей Академической канцелярии находится буква *m* нашего литовско-русского словаря (под заглавием: Материалы). Она подлежит еще пересмотру, посему позвольте Вас покорнейше просить прислать ее ко мне в г. Казань.

Работа моя по словарю в ноябре остановилась на 70-том полулисте буквы *g* (остается еще 43), а брат мой переписывает с карточек на листы букву *n*.

С глубочайшим уважением и совершенною преданностью честь имею быть Вашего превосходительства покорнейшим слугою

Иван Юшкевич

8 января
1878 года.

Прошу засвидетельствовать мое глубочайшее уважение ее превосходительству Екатерине Федоровне и передать, что я с особенным удовольствием исполню всякое ее поручение в Казани. Семейству Вашему посылаю почтительнейшие поклоны.

Ваше превосходительство,
Измаил Иванович!

Литовские народные песни, собранные моим братом, Антоном Васильевичем, уже восьмой год лежат в рукописи. Мы боимся, чтобы они как либо погибли. Поэтому мы решились подумать об их напечатании, не отлагая этого дела на дальше, на неопределенное время. В виду этого в прошедшее лето мы занялись обработкою песен, рассмотрели их, разделили на отделы и означили варианты.

Занимаясь песнями мы не оставляем и работы по словарю. Осталось еще списать с карточек в листы половину буквы *s* и букву *ž*, а русский перевод его доведен до второй половины буквы *i*. Судя по ходу работы, мы полагаем, что не раньше как через год может быть приготовлена к печати только первая половина словаря; тем временем мы бы желали напеча[та]ть песни.

Как всегда так и в настоящем случае я льщу себя надеждою на благо-склонное, Измаил Иванович, Ваше внимание к этому труду и осмеливаюсь покорнейше просить Вашего ходатайства о напечатании его в числе Академических изданий. С этою целью посылаю Вам а) первую тетрадку песен, заключающую в себе начало свадебных песен, а именно: песни, которые поются: 1) при первом знакомстве жениха с невестою (*ant pažinstuviu ir ant meglavimos*), 2) во время сватовства (*ant piršlibu*) и 3) при обручении (*ant žiedinu*); б) русский перевод заглавия и предисловия к сборнику песен и с) пять экземпляров четырех литовских народных песен, напечатанных

в приложении к 3 т. ученых записок Казанского университета, с целью применения неупотребляемых еще в литовском алфавите следующих букв: *E* ϕ (смешанного *e*=*e* Шлейхера), *i* $\acute{e}$ (= $\acute{e}$ Шлейх[ера]), *i* (смягчительного знака, заменяемого у Шлейхера гласною *i*), *š* и *č*.

При этом считаю долгом присовокупить, что предлагаемые народные песни записаны со слов песенниц и до сих пор еще не находятся в известных печатных сборниках литовских песен за весьма немногими исключениями. По сличении некоторого числа предлагаемых песен с песнями сборника Нессельмана оказалось, что на 25 песен сборника Нессельма[на] приходится всего только один вариант предлагаемых песен.

Предлагаемых песен считается не меньше 3500, кроме вариантов, которых оказалось свыше 2000. Все они разделены на отделы, означенные в предисловии, и сшиваются отдельными тетрадками, из которых каждая содержит в себе от 100 до 300 песен. Долготу песен можно означить средним числом 35 большею частью кратких стихов, таких именно, какие в сборнике литовских песен Нессельмана.

К значительной части песен составлены ноты; я бы полагал напечатать их в конце сборника. Равным образом можно бы напечатать в конце сборника некоторые заметки о песнях и замечательнейшие места из вариантов.

Я хорошо понимаю, что приложение русского перевода песен составляет немаловажное условие для напечатания их на счет Академии, но в настоящее время посвящая все досужное время на русский перевод словаря, я не могу и думать о переводе песен; последним мне бы желательно было заняться по окончании работы по словарю. Русский перевод песен, конечно, может быть напечатан потом, особо, с соблюдением порядка подлинника. Равным образом недостаток времени лишает меня возможности заняться перепискою песен, чтобы представить их к печати в более чистом виде.

В случае если бы Отделение признало нужным поручить кому либо предварительно рассмотреть предлагаемые песни, то не найдется ли возможность сделать это поручение Ив. А. Бодуэну-де-Куртенэ. Я бы мог лично сообщить ему, если бы он пожелал получить от меня какие либо сведения относительно этих песен.

Если Отделение русского языка и словесности соблаговолит напечатать предлагаемые песни в числе своих изданий, то мы не замедлим высылать следующие по порядку тетради, по мере их печатания. В свою пользу я бы просил напечатать с 30 экземпляров оттисков. В случае же неблагоприятного ответа осмеливаюсь покорнейше просить Вас, Измаил Иванович, о возвращении мне посылаемой рукописи в г. Казань в Третью гимназию.

С глубочайшим уважением и совершенною преданностью честь имею быть Вашего превосходительства покорнейший слуга

Иван Юшкевич

25 сентября 1878 года
в г. Казани

35.

Телеграмма из Казани от 4.IV.1879 г. по случаю 50-летия ученой деятельности И. И. Срезневского:

Поздравляю Вас совершением пятидесятилетней Вашей ученой деятельности. Желаю Вам жить многие годы. Юшкевич.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Упомянутый здесь список составлен на отдельном листе:

Список книг, взятых мною из библиотеки академика Срезневского

1. Српски рјечник Вука Стевановића. 1818.
2. Lettisches Lexicon von G. F. Stender.
3. Die Grundzüge der finnischen Sprache v. Kellgren.
4. Beiträge zur Kunde der litauischen Sprache. Zweites Heft. Laut und Tonlehre. — v. F. Kurschat, 1849.
5. Ученые записки 2-го Отде[ления] Импер[аторской] Акад[емии] наук, кн. II.
6. Литовская библия.
7. Литва. Люд. из Покевья (Litwa Ludwika z Pokiewia).
8. Об элементах и формах славяно-русского языка М. Каткова.
9. Dictionarium trium linguarum. — Szirwid.
10. Об отношении языка славянского к языкам родственным А. Гильфердинга.
11. Anfangsgründe einer litt[auischen] Sprachlehre v. Mielcke.
12. Elemente der altböhmischen Grammatik v. P. G. Schafarik.
13. Die Sprache der alten Preussen v. Nesselmann.

И. Юшкевич.

1857 г. 5 янв[аря].

2) Фамилия К. Донелайтиса (K. Donelaitis), автора известной поэмы „Времена года“, широко использованной Й. Юшкой при подготовке „Корнеслова литовского языка“ (см. и примеры в пробных статьях „Корнеслова“ в публикации: Г. К. Венедиктов. Материалы к истории литуанистики из архива И. И. Срезневского), в письмах дается по-разному: Доналейтис (ср. и Доналейтис, с явной опiskeй — вместо русской буквы *н* написана литовская *n*), Доналайтис, Донелайтис, Доналейт.

3) Упомянутые „пробные карточки предполагаемого... корнеслова“ публикуются отдельно (см. Г. К. Венедиктов. Материалы к истории литуанистики из архива И. И. Срезневского, стр. 219—221).

4) Имеется в виду статья „О преподавании географии“, которая вскоре была напечатана в журнале „Русский педагогический вестник“, 1859, № 2, стр. 75—106; № 3, стр. 197—212, а затем вышла и отдельной брошюрой. В журнале статья указана за подписью: Н. Юшкевич. Ошибка в инициале объясняется тем, что Й. Юшка писал прописное *и* как *n* — с горизонтальной, а не наклонной средней чертой.

5) Упомянутые названия степеней родства публикуются отдельно (см. Г. К. Венедиктов. Материалы к истории литуанистики из архива И. И. Срезневского, стр. 221—224).

6) Й. Юшка имеет в виду ожидаемый приказ о назначении его инспектором Новгородского военного училища, которое расположено было, вероятно, в с. Медведь.

7) Упомянутые здесь „мои литовские говоры“ — это, вероятно, его работа „Ape kalbas lėtuviszko lėžuvo“, опубликованная в следующем году в „Материалах для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики“, т. V, 1861.

8) Виктор Иванович — известный русский славист В. И. Григорович, профессор Казанского университета. В письме В. И. Григоровичу от 16 января 1862 г. И. И. Срезневский писал: „Письмо это доставит Вам Иван Васильевич Юшкевич, замеченный, конечно, Вами по трудам касательно литовского языка, в самом деле знающий этот язык и много меня обязавший

в этом отношении. Теперь он будет Ваш по месту службы, и без сомнения понуждается в Ваших советах и знаниях. Просить Вас о том, чтобы Вы приняли его радушно, считаю напрасным: иначе Вы и не можете принять такого достойного человека" (В. И. Срезневский. Переписка И. И. Срезневского с В. И. Григоровичем. — „Списание на Българската академия на науките, т. 54. Клон историко-филологичен и философско-обществен, 26“, София, 1937, с. 82). В ответном письме от 13 октября 1862 г. Григорович писал Срезневскому: „Честь имею отвечать Вам на обязательное письмо, переданное мне Иван Васильевичем. Почитаю себя весьма обязанным за знакомство с ученым, который соединяет в себе столько редких в Казани достоинств. Если мне невозможно было пользоваться знанием его литовского языка, то с благодарностью пользуюсь беседами его, обличающими искреннего педагога" (Там же, с. 83).

9) Эти учебные пособия по литовскому языку, а также упоминаемый в письме [28] от 28.XI.1866 г. учебный литовско-русский словарь опубликованы не были. Рукописи их хранятся в Отделе рукописей Института литовского языка и литературы в Вильнюсе (см. В. Tolutienė. Antanas Juška leksikografas. — „Literatūra ir kalba“, 1961, т. V, р. 364).

10) Имеются в виду: „Kalbos lietuviszko lėžuvo ir lietuviszkas statraszimas arba ortografija" (Peterburge, 1861) и „Записка о книге Шлейхера: Handbuch der litauischen Sprache" (СПб., 1857).

11) „Четыре брошюры педагогического содержания" — это: 1) упомянутая выше (см. примеч.4) брошюра „О преподавании географии"; 2) „И еще несколько слов по поводу особых переводных экзаменов", СПб., 1859, 7 с.; первоначально напечатано в газете „Русский инвалид", № 212, 1859; 3) „Мысли об устройстве учебной части наших училищ", СПб., 1860, 18 с.; первоначально опубликовано в газете „Русский инвалид", № 24 от 11.XI.1860; 4) „Несколько слов об учебно-педагогическом самообразовании", СПб., 1860, 32 с.; первоначально напечатано в газете „Русский инвалид", № 271 от 14.XII.1860 с подзаголовком: „По поводу учебно-педагогических упражнений учителей С.-Петербургского училища военного ведомства в минувшем учебном году". Статья подписана: „Н. Юшкевич". Об ошибке в инициале см. примеч. 4.

12) Эти песни составили публикацию: И. и А. Юшкевич. Литовские народные песни с переводом на русский язык. — „Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук", т. II, № 2, СПб., 1867 (на общем титульном листе: 1868), с. 1—43.

13) Й. Юшка имеет в виду заметку „Заседания Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. За декабрь 1866 года", опубликованную в „Санктпетербургских ведомостях" в № 11 от 11.I.1867 г., где сказано, что „Академик Срезневский представил вниманию сочленов: ... 2) статью г. Юшкевича „Литовские народные песни" с русским переводом, которую, согласно с мнением г. Срезневского, и определено напечатать в „Записках" Академии".

14) О работе Й. Юшки и его брата А. Юшки над словарем литовского языка и его судьбе после их смерти см. в указанном обширном исследовании Б. Толутене, в котором в числе прочих опубликовано и письмо Й. Юшки И. И. Срезневскому от 6.V.1878 г. В публикуемых здесь письмах Й. Юшки содержатся интересные сведения, касающиеся подготовки этого словаря к изданию. Отметим в этой связи и письмо И. А. Бодуэна де Куртенэ И. И. Срезневскому от 16/28 октября 1879 (ЦГАЛИ, ф. 436, оп.1, ед. хр.1167), в котором речь также идет об этом словаре. Письмо это недавно было опубликовано: С. В. Смирнов. И. А. Бодуэн де Куртенэ и И. И. Срезневский. — „Ученые записки Тартуского гос. ун-та," вып. 310. Труды по русской и

славянской филологии, XXII, Тарту, 1973, с. 215—217. Й. Юшку И. А. Бодуэн де Куртенэ упоминает и в других опубликованных С. В. Смирновым письмах (там же, с. 210, 214).

15) Песни, о которых здесь идет речь, были изданы Академией наук в 1883 г. под заглавием: „Литовские свадебные народные песни, записанные Антоном Юшкевичем и изданные Иваном Юшкевичем“ (СПб., 1883, XXIV+893 с.). Подробнее об истории издания этого сборника см.: А. Mockus. *Broliai Juškos — lietuvių liaudies dainų rinkėjai ir leidėjai*. V., 1956; B. Tolutienė. Указ. соч., с. 139 и след.